

ГРАНИ ДУХОВНОГО МИРА

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ГРАНИЦАХ

Л.В. Баева

Пространство и время культуры связано сохранением и передачей субъектом культурного наследия. В данной статье показана взаимосвязь культурного наследия и проблемы времени, развития. Культурное наследие реализуется как диалог между поколениями, эпохами и предполагает темпоральное единство культуры.

Space and times of culture connected with recognition and memory of subject of cultural heritage. In this article showed connection between cultural heritage and problem of time, development. Preservation of cultural heritage realized as a dialog from generations, ages and need based on principals of temporal unity.

Ключевые слова: культурное наследие, культурная традиция, культурная модель, пространство и время культуры, аксиология культуры.

Key words: cultural heritage, cultural tradition, cultural model, cultural space and times, axiology of culture.

В условиях миграции, смешения народов и культур, урбанизации, забвения традиционных языков и обычаев сохранение культуры предков требует больше заботы, чем в прежние времена, когда изменения не носили столь масштабного характера. Сохранение культурного наследия приобретает в современную эпоху поистине глобальный характер. При этом с ускорением процесса глобальных изменений все более явно ощущается возрастание ценности времени, в том числе исторического времени в его уникальности и стремлении к увековечению. Остановить время, сохранить его страницы, эпизоды для потомков – важнейшая задача музеев, культурных комплексов, исторических памятников. Культурное наследие заключено в пространственно-временных границах, анализ которых представляет значительный интерес, к чему в большей степени мы обратимся в данной работе.

Развитие культуры протекает многомерно, по различным каналам и связям, на тех или иных уровнях, в многообразных формах, но при этом оно темпорально и локально обусловлено. Каждое изменение в контексте культуры означает ее подвижность, расширение границ, наряду с тем, что какие-то ее элементы неизбежно утрачиваются, подобно древним языкам, стертые с лица земли памятникам, и исчезают навсегда. Культуре свойственны как эпохальность, стадийность, так и возможная замкнутость, консервация. По словам Д.В. Габузова, «эпохальность – это способность бытия каждый раз заново формировать особое пространство для того, чтобы в нем происходило осуществление новой темпоральной реальности» [2]. Европейская цивилизация стала осознавать себя как развивающуюся циклично, подобно временам года еще с Античности. Эпохальность и движение к концу истории осмысливается лишь с христианством и теологией Августина Аврелия. Культура и история начинают восприниматься как стадии духовного развития человечества, а с философией Гегеля как стадии саморазвития объективированного Духа. Временные границы, определяющие конец и начало эпох, как условны, конвенциональны, так и последовательно обоснованы, продуманы. Их искус-

ственность, связанная с теоретическими обобщениями летописцев, историков, философов, отражает естественность циклического пути развития. Несмотря на различные описания этой траектории (двоичной, волнообразной, маятниковой, спиралевидной, векторной и др.), развитие культуры протекает с периодическими системными перестройками, носящими столь глобальный характер, что воспринимаются как границы эпох или стадий. Каждое значительное изменение сопровождается ломкой, разрушением старой системы, социокультурного пространства, и эти изменения направлены как в будущее, так и в прошлое. Прошлое начинает интерпретироваться по-новому, с позиции возникших и утвердившихся в идеологии новых мифологем, стереотипов, позже – научных теорий и парадигм. Артефакты и источники остаются прежними внешне, но наполняются новым содержанием и смыслами. Прошлое приобретает отблеск настоящего, описывается в новых понятиях и обретает другую значимость. Преемственность здесь сопровождается разрывами, вольным и невольным забвением, умалчиванием или мифологизацией событий прошлого. Границы христианской культуры начинаются с Рождества Христова, эры, принесшей новые очертания микро- и макросоциума и новые представления о времени.

С рождением Иисуса Христа мир приобретает духовное единство и устремленность к Царству Небесному, отвергая прежнюю замкнутость, цикличность греческого мировосприятия, преобразуя иудейскую историю падения и испытаний в историю спасения через жертву Бога Сына. Культура меняет свои временные и пространственные очертания с глобальной мировоззренческой трансформацией. Время земное противопоставлено вечности Бога, так же, как границы телесности – всепроникающей сущности души. Культурная традиция формируется через противопоставление, обозначение пределов, границ, поиски начала, переломных событий и будущего воскресения праведников.

Пространство и время культуры простираются настолько, насколько его охватывают восприятие и память субъекта, носителя культурного наследия. Расширение этих границ возможно через открытие, новое прочтение забытых источников, знакомство с новыми «мирами», преодоление собственной сосредоточенности на саморефлексии. Открытие иного пространства и времени, трансценденция духа могут быть связаны как с горизонтальным (географическим), так и с вертикальным (историческим) процессом познания культуры. Открытие собственной интеллектуальной истории, включение культурного наследия в пространство живой традиции – важнейшая задача исследователя, стремящегося к установлению связи времен и преодолению ограниченности собственной эпохой.

Стремление к неограниченно длительному существованию в одной или различных формах, само присутствие объектов в бытии свидетельствуют о ценности времени, наличие которого наполняет смыслом настоящее, направленное в будущее. Временность, с одной стороны, наполняет особой значимостью настоящий момент, а с другой, формирует ценностное отношение ко времени, позволяющему дальнейшее присутствие. Длительность и ограниченность процессов во времени, а также их необратимость придают объектам уникальность и неповторимость как еще одно выражение их субъективности и единичности. Изначальное природное или культурное своеобразие дополняется своеобразием «временности», то есть присутствием в «теперь», полная калькуляция которого невозможна. Конечность процессов во времени формирует все новые зависимые от него ценности, такие, как жизнь, творчество,

искусство, любовь и др., так как все они обусловлены ощущением или знанием конечности и смертности. Стремление к обладанию неограниченным временем для-себя-бытия выступает основанием заботы об условиях существования, об источниках его продления. Время в этом смысле выступает как ценность для существования, как обусловленное им и дополняющее его.

Взаимопринадлежность бытия и времени была подвергнута наиболее глубокому анализу в экзистенциальной философии, особенно в работах М. Хайдеггера. Через время, полагает он, человек впускается в событие, включается в его принадлежность: «Поскольку бытие и время даны лишь в осваивающей присваивающей, то к нему принадлежит и то особое свойство, что оно высваивает человека как того, кто воспринимает бытие, стоя внутри подлинного времени, приводит человека к его собственному. Таким образом, высвоенный и присвоенный событием и входит человек в его принадлежность» [5, с. 99]. Событие (*das Ereignis*), понимается в этом случае как присвоение, то есть действие, которое дает всему возможность быть собой, позволяет всему обособляться, идти к себе, высваивая нечто и осваивая его, приводя в свою собственность. Только событие, по мнению Хайдеггера, не знает времени, оно бытийствует, свершается, осваивает и обособляет и при этом исключает множественное число. Бытие одно, оно то, что позволяет всему быть собой.

Изменения во времени – естественное состояние вещей, выявляющее в них некую сверхвременную сущность и отбрасывающее все внешнее и несовершенное. Такой подход наиболее ярко представлен в трудах русских экзистенциалистов. Например, Н. Бердяев обосновывает мысль о том, что время выступает следствием изменений, а не наоборот, что, в свою очередь, обуславливает возможность преодоления смерти. Он отмечает, что время нашего мира есть «результат падения, происшедшего внутри существования» [1, с. 124]. Время – это лишь одно из состояний существования вещей, и иное их состояние приведет к «угасанию времени». Подчеркивая свое расхождение в этом вопросе с М. Хайдеггером, который рассматривает овременение как имеющее смысл в заботе и страхе, Бердяев связывает время с творчеством и активностью: «небывшее становится бывающим во времени» [1, с. 125]. В этом, по мысли русского мыслителя, содержится двойной смысл времени, который определяется не только как забота, но и как творчество, не только как страх, но и как надежда. Отрицание ценности времени и временности отвергает тем самым и ценность нового, творческого в существовании, то, что является, по мнению Бердяева, сутью свободной субъективной человеческой природы.

В аксиологическом отношении время парадоксально, так как в одинаковой степени способно формировать как страх, так и надежду. Время в этом смысле есть распавшаяся вечность, в которой неуловима ни одна из ее частей, ни прошлое, ни настоящее, ни будущее, что не умаляет их ценности, а лишь позволяет увидеть ее в разных измерениях. Но прошлое, как и будущее, существует только через настоящее, собираясь посредством его воедино. Ценность настоящего в таком смысле утраивается, так как включает в себя значимость и смысл прошлого, надежду и заботу о будущем и переживание ныне существующего. Настоящее, таким образом, есть момент приобщения к вечности, к полноте и в то же время движение к смерти, разрыванию и преодолению этой целостности в единичном бытии каждого. Решение этой антиномии в каждом из случаев будет различным. Время придает смысл существованию и одновременно отнимает его своей неизбежной трагичностью,

делает нечто значимым и одновременно полагает эту значимость в непреходящем и вечном, способствует переживанию субъективной причастности к становлению мироздания и в то же время вызывает ужас перед индивидуальным небытием.

Время есть ценность, поскольку оно время бытия, присутствия всех частей в реальности. Время роднит, сближает тех, кто испытывает его груз и влияние. Ощущение, инстинкт или осознание времени объединяет в переживании не только людей, но и всех существ, сближая между собой, разрывая их ограниченность и автономность. Время способствует открытию для понимания внутренней сущности одного субъекта для другого, возможности их общего сопереживания и повышению ценности не только собственного бытия, но и существования Другого. Родство времени, навязанное и внешнее, становится внутренне значимым, так как способствует более острому видению хрупкости и трагичности бытия.

Сохраненное сквозь течение времени бытие приобретает особую ценность – ценность культурной традиции, связывающей настоящее с прошлым. Человек способен почувствовать удаленность во времени именно через контакт с объектами культурного наследия, обретая при этом ощущение причастности к истории и смене эпох. Ни литература, ни кино не способны, как материальные культурно-исторические памятники, столь ярко вызвать «чувство времени» и «временности» всего происходящего. Созерцание древних пирамид, античных руин, раскопанных городищ, вековых храмов и культовых сооружений способны сформировать у человека восприятие бытия в масштабе макропроцесса, в котором он оказывается не одинок и не бесценен, хотя и бесконечно мал и кратковременен.

Где же наиболее концентрированно человек способен воспринимать время? Прежде всего, там, где он воспринимает то, что смогло возвыситься над ним, присоединиться к вечности, стать вневременным. Древние памятники, старые города и исторические реликвии, пережившие свое время, не вписываются в современный стиль жизни, не являются его органичной частью, но оказываются возвысившимися в силу того, что им удалось пережить свое время и остаться в своем бытии. Ожидает ли эта участь те строения и предметы, которые создаются сегодня? Нам это уже не будет известно. Поэтому столь ценится сегодня (хотя бы среди специалистов) то, что выдержало удар времени, устояло перед его потоком. Старина ценна и потому, что ей присущи уникальность, субъективность и единичность, ее невозможно создать такой же снова, хотя можно реставрировать или воссоздать.

Сохранение, консервация времени в его неповторимости культурных памятников позволяет обрести устойчивость бытия. Текучесть, изменчивость, фрагментарность бытия вызывают ощущение безосновности и бессмысленности череды происходящих явлений, которые могут видиться как майя или игра Мировой воли. Возможность остановить бег времени, удержать мгновения достигнутых высот гениев человеческого рода дает шанс на укоренение в бытии, вращение в него, вхождение в его бесконечные пределы. По словам даосского мудреца, «сделанная работа сделана навсегда». Это означает, что акты творчества делают произведение и творца бессмертными.

Временной фактор играет важную роль в формировании мировоззрения личности и картины мира, преобладающей в обществе. Культурный ландшафт, оставшийся в наследие потомкам, создает определенные границы этой исторически-динамической картины, которые простираются до пределов, у

которых «стоят» те или иные исторические памятники (как материальные, так и духовные). Мы мыслим историю через артефакты, конструируем реальность, в которой очерчены пределы, за которыми ничто, а внутри которых – пространство культуры.

Пространство культуры имеет условные, во многом иррациональные очертания, связанные с местоположением во внешней по отношению к ней среде – природе. Там, где человек творит «вторую природу», начинается культура, однако это касается только материальной культуры. Духовная культура, в отличие от материальной, расположена не в пространстве и времени, а только во времени, местоположение для нее важно только как точка происхождения, источник. Так, народный эпос, священный текст или учение могут возникнуть в тех или иных географических местах, однако их бытие не имеет более широкий формат и выходит далеко за эти границы.

Место, где происходит рождение идеи (локус), может быть осмыслено как некое пространство, освоенное мыслителем, которое заполняется идеей, концентрируется вокруг нее.

Французский мыслитель Пьер Нора предложил понятие «места памяти», *lieux de mémoire*, представления о прошлом, в котором оживают его наиболее важные значимые для современников страницы. Он проводит разграничение и даже противопоставление понятий «история» и «память»: «Память, история. Мы отдаем себе отчет в том, что все противопоставляет друг другу эти понятия, далекие от того, чтобы быть синонимами. Память – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления. История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого. Память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны» [4, с. 20]. Нора убеждает читателя, что история принадлежит всем и никому, что делает универсальность ее призванием. Память же, по его мысли, укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте; история не прикреплена ни к чему, кроме временных протяженностей, эволюции и отношений вещей; память же есть абсолют, в то время как история знает только относительное.

Позволим себе продолжить эту мысль. Историческая реконструкция стремится к объективности, непредвзятости, что либо превращает ее в хронологию и политэкономия, либо воплощает одну господствующую модель интерпретации. Историческая память всегда субъектна и не скрывает этого; как философия и философствование она личностна, уникальна. Она выступает формой вневременной связи, единения духа живущих и ушедших, переживания того, что было некогда значимо и оказывается значимым теперь.

Пьер Нора полагал, что памятью обладают именно сообщества, что предполагает глубокое изменение места индивидов в обществе и их отношения к коллективу: здесь секрет загадочного, вызывающего к объяснению успеха еще одной идеи, а именно идеи идентичности, без которой невозможно понять *theupsurge of memory* – рост памяти [3].

Идентичность, понимаемая не как исключительность, уникальность субъекта, а, напротив, как его принадлежность к общности, формирует то, что можно назвать «коллективной памятью», «национальной памятью», «памятью групп». Эта память избирательна, она удерживает те фрагменты прошлого, которые актуальны для современников той или иной формы общности. Она не претендует на полноту и всесторонность, но она наполнена жизнью, эмоциями, эмпатией, способностью чувствовать время, «вслушиваться» в него (термин М. Хайдеггера как нельзя лучше подходит для этого описания).

Таким образом, культурное наследие не часть культуры, а ее пределы, задающие возможность ее обновления и саморазвития. Объекты культурного наследия, существующие в границах исторического пространства и времени, создаются и транслируются его субъектами, формируя глобальное поле культуры через локальные, региональные феномены.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. И мир объектов. Опыт философии одиночества и общения / Н. А. Бердяев. – Париж, 1939. – С. 124.
2. Габузов Д. В. Антропологическая концепция времени : дис. ... д-ра филос. наук / Д. В. Габузов. – Волгоград : ВолГУ, 2011. – С. 35–36.
3. Нора П. Всемирное торжество памяти / П. Нора // Франция. Память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999.
4. Нора П. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция. Память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999.
5. Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер // Разговор на проселочной дороге. – М., 1991.

ВАНДАЛИЗМ КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН¹

П.Л. Карабущенко

«Вандализм» является кодовым словом для тех, кто анализирует деструктивное начало в культуре, психологии, политике. Как историко-культурное явление его необходимо рассматривать комплексно, в контексте конкретного политического времени и культурного пространства. Чтобы адекватно его оценивать, необходимо иметь точное понимание этого термина. В этимологию понятия «вандализм» вкралась историческое искажение, сформировавшее стойкое заблуждение об исторических вандалах (этнотипе) и культурном вандализме. Главная цель настоящей эссе – преодолеть существующие стереотипы восприятия и попытаться по-новому взглянуть на извечную тему противостояния культуры и антикультуры.

“Vandalism” is a code word for those who analyze the destructive beginning of culture, psychology, politics. As a historical and cultural phenomenon it should be considered comprehensively in the context of specific political and cultural space of time. But in order to adequately evaluate it, you must have an accurate understanding of the importance of this term. In the etymology of the term «vandalism» has crept historical distortion that generated stable misconception about historical vandals (ethnicity) and cultural vandalism. The main purpose of this essay – to overcome existing stereotypes of perception and try to take a fresh look at the perennial theme of confrontation between cultures and anti-culture.

¹ Статья выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «2010-1.1-303-019-043» «Сохранение культурного наследия в полиэтничном регионе».